

УДК 821.161.1:070(091)"18/19"(045)

*Е.Г. Власова***КАМА НА ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТЕ УРАЛА
(ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛЬСКИХ ТРАВЕЛОГОВ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.)**

Статья посвящена характеристике образа Камы как одного из ключевых локусов уральского пространства, представленного в путевых очерках XIX – начала XX вв. Актуальность исследования определяется его связью с изучением роли травелогов в истории формирования пространственных образов российских регионов в литературе этого периода. Материалом исследования стали уральские путевые очерки, заметки и письма русских писателей и журналистов, оказавших большое влияние на формирование образа Урала. Методами исследования служат литературное картирование и географическая методика анализа литературного текста, предложенная В. Н. Калущиковым. В результате картирования травелогов были выявлены образно-смысловые акценты уральского пространства, связанные с особенностями маршрута и способа путешествия. Камское пароходное путешествие, оставаясь долгое время основным способом путешествия на Урал, акцентировало историко-культурные и экономические связи с Поволжьем. Направление движения вверх по Каме привело к усилению в литературном образе Урала северного вектора. Во взаимодействии ключевых природных стихий Урала: рек, гор и лесов, – камские травелогии выделяют реку. Суровые горы и темные северные леса, оставаясь обязательными элементами пространства, находятся под воздействием водной стихии: они отодвинуты на второй план, окутаны туманом или отражены водой. Влияние способа путешествия обнаружилось в динамическом пейзаже, а также особой эстетизации восприятия, сориентированной на романтический пейзаж. Особенности видения подчеркнули горный характер рельефа, суровую красоту и пустынную уральского пространства.

Ключевые слова: травелог, Урал, Кама, литературное картирование, маршрут путешествия, способ путешествия.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-858-866

Статья посвящена характеристике геопоэтического значения Камы как одного из ключевых локусов уральского пространства, представленного в путевых очерках XIX – начала XX вв. Учитывая тот факт, что литературная история большинства российских регионов, начиналась в путевых произведениях XIX в., можно вполне определенно говорить об особой роли травелогов¹ в формировании литературной карты России. Появление Урала в общероссийском литературном пространстве также состоялось благодаря путевым жанрам: это очерки, заметки и письма Ф.Ф. Вигеля (1805, 1806)², А.И. Герцена (1835), П.И. Мельникова-Печерского (1838–1839), П.И. Небольсина (1846), П.А. Кропоткина (1862), В.И. Немировича-Данченко (1875), И.С. Левитова (1882), Д.Н. Мамина-Сибиряка (с 1871 по 1890 г.), К.М. Станюковича (1885), С.А. Кельцева (1887), Е.Ф. Шмурло (1889), Н.Д. Телешова (1894), А.П. Чехова (1890, 1901, 1902), В.А. Поссе (1907) и многих других писателей и журналистов. Изучение роли травелогов в истории формирования пространственных образов уральского региона определяет актуальность исследования.

Документальные по своей природе, травелогии самым тесным образом связаны с реальной географией. По сути, они представляют собой авторское «прочтение» географического пространства. Благодаря особой связующей функции травелога возникающие при этом значения соединяются в последовательном путевом нарративе. Опираясь на реальную географию, травелогии, тем не менее, по-своему видят и, следовательно, воспроизводят пространство путешествия. В поле зрения путешественников попадают те места, которые связаны с целью, маршрутом и способом движения. Под воздействием этих факторов складывается конфигурация пространства: формируются свои силовые линии и локусы, которые определяют ключевые значения пространства. Кама, долгое время служившая основной магистралью, которая связывала центральную Россию с Уралом, относится к ландшафтообразующим объектам уральского пространства, представленного в травелогах XIX – начала XX вв.

Основным методом исследования является литературное картирование, определяющее сегодня развитие междисциплинарного научного поля, сложившегося вокруг идеи наложения литературного

¹ Под травелогами следом за М.В. Строгановым, Е.Г. Милогиной и Е.Р. Пономаревым понимается документальный текст, написанный по следам реального путешествия.

² В скобках указано время путешествия по Уралу.

текста на реальное географическое пространство и получившего название «литературная география»³. Опыты картирования литературных произведений предпринимались еще в начале XX века [19]. Но формирование самостоятельной сферы научного интереса связано с последними десятилетиями. Одним из решающих факторов повышенного интереса к картированию, который наблюдается в самых разных сферах деятельности⁴, послужили новые возможности картографирования, связанные с использованием цифровых технологий, прежде всего, геоинформационных систем [1, 13]. Среди крупных литературных проектов последнего времени можно назвать цифровые карты «Mapping the Lakes» Ланкастерского университета (Великобритания), «Literary Atlas of Europe» Института картографии Федерального технического университета в Цюрихе, «Mapping Emotions in Victorian London», «Mapping the Republic of Letters» Литературной лаборатории Стэнфорда, «Живые страницы» по творчеству Л.Н. Толстого Школы лингвистики НИУ ВШЭ.

В основном литературное картирование сложилось на стыке двух дисциплин – географии и филологии. В русле географической науки образы пространства стали предметом изучения культурной и гуманитарной географии, которые оперируют понятиями «культурный ландшафт», «географический образ», «образно-географическая карта». Важнейшим источником для изучения образов географического пространства стала художественная литература. Рассматривая карту в качестве метода исследования географических образов, Д.Н. Замятин отмечает: «Она может рассматриваться и как графическое отображение структурной модели какого-либо географического образа, а также репрезентировать образно-географическое пространство вербальных текстов (письменных, визуальных, картографических), например, художественных произведений или стенограмм политических переговоров. Как когнитивное средство образно-географическая карта направлена на выявление и построение в виде системы взаимосвязанных элементов содержательных для конкретного географического пространства знаков, символов, стереотипов и архетипов» [5, с. 30].

В области филологических наук обращение к карте опосредовано интересом к пространственным проблемам литературного творчества, которое формирует собственное исследовательское направление, обозначаемое терминами «литературное краеведение», «литературная регионалистика», «геопоэтика». Самым важным методологическим открытием литературного картирования с точки зрения филологии стало понимание того, что карта является не только способом визуализации литературного произведения, но и самостоятельным инструментом анализа. «Литературная география – подчеркивает Барбара Пьятти, – должна быть гораздо большим, чем просто картографической иллюстрацией или вспомогательной опорой для научной литературы, в которой все уже сказано. Совсем напротив, литературные карты призваны быть средствами интерпретации, мощными аналитическими инструментами» [18, с.184].

На данный момент в сфере литературного картирования сложилось несколько основных подходов к репрезентации литературных материалов: картирование отдельных литературных произведений, биографии и художественного мира писателя, маршрутов литературных путешествий, литературных мест и образов, отражающих связь с ключевыми для данной территории произведениями и авторами [12]. Для нашего исследования наибольший интерес представляет последняя разновидность литературной карты, создание которой предполагает работу с корпусом произведений разных авторов и выявлением устойчивых геопоэтических значений пространства.

В отечественной науке первые образные карты территории как геокультурного единства были разработаны географами. Серию образно-географических карт-схем представил в своих работах по геокультурному брендингованию Д.Н. Замятин [4]. Большой шаг к созданию общей литературной карты России был сделан коллективом исследователей под руководством В.Н. Калущкова. В рамках этой работы был подготовлен первый литературный атлас России [9], в котором представлены литературные карты 10 крупных российских регионов и материалы знаковых литературных путешествий, с

³ Наряду с названием «литературная география» («Literary Geography») используются понятия «литературная картография» («Literary Cartography») и «литературное картирование» («Literary Mapping»).

⁴ Картирующую функцию литературы активно используют сегодня краеведы и музейщики: например, «Москва Михаила Булгакова» музея М.А. Булгакова (Москва). Популярны туристические интернет-карты с указанием наиболее значимых литературных мест: памятников, улиц, музеев, мемориальных домов и урочищ: например, проект «Зеленая и красная линии» (Пермь). Интересные проекты реализуются в художественной среде: например, серия карт-романов дизайнера Юрия Гордона «Говорит Москва», «Петербург. От окраины к центру. Говорит город», «Город мастеров», «Москва одним словом», «Москва в ста домах».

этими регионами связанных. Среди филологических проектов, посвященных картографической визуализации литературного образа территории, наиболее заметными стали проекты кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского университета: «Литературные путешествия по рекам и горам Урала» (2015 г.) и «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX в.» (2016-2017 гг.) [1].

Опираясь на понятие образно-географической карты и существующий опыт картографических описаний пространства, можно предложить еще один ракурс картографического описания, связанный с возможностями масштабирования картографического изображения. Картированию могут подлежать не только большие территории, например, Россия или Урал, но и отдельные географические объекты, которые получили большое количество литературных репрезентаций и сыграли важную роль в создании культурного ландшафта. Безусловно, таким географическим объектом в пространстве Урала и России является Кама.

Наложение литературных образов камского пространства на карту будет проведено в опоре на географическую методику анализа литературного текста, разработанную В.Н. Калущковым [6]. В частности, будет рассмотрено влияние на создание образа пространства таких географических параметров, как маршрут путешествия, пространство движения и остановки, соотношение воображаемых и реальных границ, а также способ путешествия.

Появление Камы на литературной карте России связано с развитием пароходного транспорта. Открытие во второй половине 1850-х гг. пароходного сообщения по Волге и Каме серьезно изменило пространственное положение Урала. Кама становится главной дорогой на Урал и остается ею вплоть до постройки Пермь-Котласской железной дороги (1899), соединившей европейскую часть России с Уралом и Сибирью. Путешественники садились на пароход в Нижнем Новгороде спускались по Волге через Казань к устью Камы, поднимались до Перми, а отсюда уже по Сибирскому тракту, а с 1878 г. по Уральской горнозаводской железной дороге, следовали дальше через Урал. Таким образом, пароходные тревелогии послужили первым источником литературной репрезентации главной уральской реки.

В отличие от предшествующих сухопутных поездок в пароходных тревелогах Кама становится объектом не только наблюдения, но и действия, превращаясь в главный элемент уральского ландшафта, при помощи которого путешественник вступает с ним в контакт. До открытия пароходного сообщения литературную карту Камы можно было представить только в виде отдельных речных переправ в местах пересечения тракта и реки. Наиболее частотными точками описания Камы становились переправа возле Оханска и высокий пермский берег:

«...На двенадцативёсельном его катере, оглашенные песнями его гребцов, мы стрелой полетели через широкую Каму. ... Всем она взяла, сия величественная Кама, и шириной, и глубиной, и быстротой, и я не могу понять, почему полагают, что она в Волгу, а не Волга в неё впадает» (Ф.Ф. Вигель) [2, с. 22].

«Холодный, ледяной ветер дул из-за Камы – так дышит Уральский хребет вечным льдом своих вершин, так дышит холодная грудь Сибири на Европу. Кама, широкая и быстрая, мчала с невероятной скоростью множество тяжело нагруженных судов; кое-где двигались запоздалые льдины, поворачиваясь и как бы нехотя следуя течению реки. Порывами ветер наносил *membra disjesta* песен булаков и их громкие возгласы. Было грустно – я сидел, закутавшись в плащ, на высоком берегу; с противоположной стороны садилось солнце, красное, но холодное» (А.И. Герцен) [3, с. 123–124].

Доминирующим значением Камы в пространстве Урала оставался ее преграждающий и разъединяющий характер. Подчеркиваются ширина и скорость течения, которые становились основными источником переживаний на переправе. Можно сказать, что Кама скорее выполняла роль границы, нежели внутреннего компонента ландшафта.

Пароходное описание Камы изменило восприятие реки и уральского пространства в целом. С открытием пароходного сообщения знакомство путешественников с Уралом начиналось с Камы и было тесно связано с речными реалиями маршрута. На карте Урала появилось множество до сих пор не упоминавшихся мест и поселений, которые объединял речной характер жизни – рыболовство, грузоперевозки, торговля, сплав леса. Горные заводы, являвшиеся доминантами уральского ландшафта во всех предыдущих описаниях Урала, выпадают из зоны наблюдения, оказываясь «по сторонам Камы» [7, с. 27].

Получается, что сам факт путешествия по Каме задает отличный от горнозаводского вектор историко-культурного образа Урала. На первый план выходит история прикамских поселений, в жизни которых преобладает речной уклад жизни. Рыболовные становья по берегам, нескончаемые вереницы

плотов, пароходы и лодки, а также пристани городов и заводов – вот основные приметы местной жизни.

Камское путешествие связывает Урал с центральной Россией и Поволжьем, подчеркивая их глубинную культурно-историческую связь. Это единство основано не только на общем укладе экономики, но и на общих исторических событиях. Одним из самых ярких культурных героев, объединивших два региона, стал «волжский удалец» Ермак, в образе которого соединились темы речной вольницы, первопроходчества, фронта. Камские травелоги зафиксировали большое количество преданий о Ермаке, что говорит о значимости его образа для локальной памяти. В.И. Немирович-Данченко, пересказывая легенду об очередном кургане с сокровищами, заметил, что на Каме все подобные курганы приписываются Ермаку Тимофеевичу [14, с.98].

Одной из основных характеристик культурного пространства камского региона становится многонациональный состав его населения. Важное замечание о национальных взаимоотношениях русских и коренных жителей Урала сделал В.И. Немирович-Данченко, описывая утреннюю молитву татар на палубе парохода:

«Наверху татары спокойно совершали свои утренние молитвы. Всё это время матросы старались и не ходить близко, чтобы не мешать им. Совсем не то, что мне приходилось видеть на пароходах русского общества по Черному морю, где целая ватага пассажиров и служащих бесцеремонно остро-словила над молящимися горцами. Население здесь чрезвычайно терпимо. Религия не вызывает розни. Народ гораздо развитее, чем где-либо в ином месте. Вообще, так по всему горнозаводскому Уралу и по Каме» [14, с. 48].

Рассказы об охотничьем мастерстве вотяков, уме и распорядительности татар, сочувственный комментарий о новой повинности башкир, услышанные и пересказанные Немировичем-Данченко, тоже можно расценивать как свидетельство уважительного отношения русских к коренным народам Прикамья. Камские очерки Немировича-Данченко отразили один из самых сложных сюжетов уральской истории, связанный с особым характером колонизации Урала, в ходе которой удалось отказаться от военного противостояния и перейти к экономической дипломатии.

Речные травелоги обнаружили целый ландшафт, который, с одной стороны, изменил представления об уральском пространстве, с другой, попал под влияние уже сложившихся пространственных представлений. Во взаимодействии этих двух процессов складывается, например, один из важнейших сюжетов уральского текста, связанный с сопоставлением Камы и Волги. Многоводная, лесная, северная – так чаще всего именовали Каму те, кто поднимался с Волги:

«Первое впечатление, которое делает Кама, когда въезжаешь в неё из Волги – это её ширь и многоводие, низкий нагорный берег выделяет ещё более её ширину, а быстрое течение, почти полное отсутствие мелей делает реку особенно плавною. Горизонт здесь шире, тем более что и сама река нередко разливается направо и налево. Чем дальше вверх, тем нагорный берег выступает всё яснее, становится выше, круче и ... диче» (Е.Ф. Шмурло) [17, с.211].

Резкая смена восприятия пейзажа во многом объясняется теми ожиданиями, которые связаны с маршрутом путешествия. Маршрут задает координаты оценки. Так, направление камского путешествия на север акцентирует в образе Урала значения северного пространства.

«Север, север, так и пахнет им; правый берег еще круче, все выше, и, кроме ели, ничего на нем не видно» (П.А. Кропоткин) [8, с.99].

«Севером пахнуло!. Дышится легко. ... И действительно, отсюда уже тянутся широкие пути в тьму и холод – на полуночь. Опять Север – и приветствуешь его в лице этой великой реки, этой стеновой жилы, разносящей жизнь в глухие бездорожья его величавых пустынь» (В.И. Немирович-Данченко) [14, с.26].

Таким образом, камский маршрут по-своему представляет границы Урала на карте России: сейчас это не только отдаленный фронт, восточный рубеж государства, но и северный сосед Поволжья, связанный с ним общим историко-культурным и экономическим связями, но в то же время обладающий специфическими уральскими чертами.

В речных травелогах по-новому складывается взаимодействие основных локусов природного ландшафта Урала – гор, лесов и рек. Река закономерно оказывается доминантой окрестного ландшафта, влияя на восприятие гор и лесов.

Активное присутствие гор задается близостью Уральского хребта, которая формирует у путешественников соответствующие ожидания. Путешественники в большинстве своем отмечают горный характер камских берегов. Нередко Кама предстает в пароходных описаниях настоящей горной рекой – с извилистым течением и крутыми берегами:

«Вообще в Каме нет, как в Волге, нагорного и низменного берега, Кама непощадно вьется, часто ворочается более нежели на 180° от первоначального направления, и горы переходят с одного берега на другой» (П.А. Кропоткин) [8, с.98].

Отметим, что горный пейзаж в камских описаниях часто сопровождается образами дымки, синевы, тумана:

«Чем дальше по Каме, тем прохладнее; легче дышится. Солнечный блеск не так ослепителен, дали – прозрачнее. Глаз замечает и линию каких-то гор за каймою синих облаков и чуть мерцающее в серой дымке озеро направо» (В.И. Немирович-Данченко) [14, с.31].

«Пароход все бежит к северу. Берег становится круче и грандиознее. Вдали уже рисуются настоящие горы, точно синие тучи, поднявшиеся к ночи на горизонте. ...Но скоро прохладный вечер сливается в одно мглистое марево и силуэты далеких гор, и очерки лесов, заслонивших от нас луговой простор Закамья» (В.И. Немирович-Данченко) [14, с.77]

«В этом разнообразии, надо думать, сказывается влияние Уральского хребта. Уже перед Осой его отроги начинают местами набегать к левому берегу, а выше этого города так и к правому. Ломанные, бледно-синеватые, покрытые красным лесом и кой-где вспаханные, уральские холмы и ветви появляются то тут, то там» (Е.Ф. Шмурло) [17, с.217-218].

В этих описаниях чувствуется дыхание северной реки, окутывающей своими туманами окрестное пространство. Река отодвигает горы или скрывает их от взгляда. Однако, не смотря на некоторую отдаленность горного пейзажа, постоянное упоминание гор формирует устойчивое представление о Каме как горной реке, подчеркивая значения опасности, суровой красоты и мощи окружающего пространства.

Подобно горам, описания лесов, оставаясь постоянной частью камского пейзажа, опосредованы рекой и связаны с ней то дымками и туманами, то мотивом отражения, который подчеркивает неразрывную связь водной и лесной стихий:

«Наконец около Сарапула к самой реке начинают подступать холмы, кончающиеся крутыми размытыми водою обрывами, ярами и сплошь поросшими густым ельником... По всей окрестности стелется сизый туман, неизменный спутник хвойных лесов, с берега тянет крепким смоляным запахом» (П.А. Кропоткин) [8, с.103].

«Пароход отходит вправо, ближе к середине реки, и весь этот лес-стена до мельчайших подробностей отражается на стальной поверхности воды. И ведь целыми нескончаемыми вёрстами плывёшь вдоль таких берегов!» (Е.Ф. Шмурло) [17, с.211-212]

Речное путешествие не отменило горный и лесной характер уральского пространства, но подчеркнуло значимость водной стихии в сложившемся ранее взаимодействии его ведущих природных ландшафтов. Благодаря пароходным путешествиям Кама становится одним из самых значимых локусов Урала. Не случайно, первый уральский путеводитель, вышедший в Екатеринбург в 1899 г., начался с представления Камы в качестве открывающей достопримечательности:

«Река Кама – естественный и самый старинный путь на Урал. Кроме того, Кама играла и продолжает играть весьма важную роль в жизни горнозаводского Урала. Поэтому, приступая к указанию пути по Уралу, прежде всего, мы дадим подробное описание Камы, ее главных притоков, лежащих на ней городов, сел, заводов и деревень» [16, с. 1].

Таким образом, знакомство с Уралом посредством пароходного камского путешествия вносит существенные изменения в конфигурацию историко-культурных и природных доминант уральского пространства. На первый план выходят образы воды и темы, связанные с речным укладом жизни. Можно говорить об усилении мотивов и сюжетов, связанных с природным ландшафтом Урала. Большие и быстрые реки, горные берега, покрытые густым темным лесом, определяют основные впечатления пароходного путешествия.

Помимо маршрута, важнейшим географическим фактором, оказывающим влияние на восприятие пространства, является характер движения по реке и связанные с ним особенности видения. Движение на пароходе не предполагает физического контакта с окружающим. Путешественник находится в состоянии созерцателя, который не испытывает физической нагрузки, не преодолевает пространство, а плавно движется мимо него. Наблюдаемое путешественником пространство как будто вытягивается

вдоль реки, превращаясь в линию:

«Охваченная зелеными понизьями, утром Елабуга так и вырезалась на голубом фоне безоблачного неба белыми силуэтами своих церквей! Точно вся она вытянулась в одну линию» (В.И. Немирович-Данченко) [14, с.47].

Расположенный ниже линии горизонта взгляд пароходного пассажира сконцентрирован на деталях прибрежной линии. С учетом высокой скорости движения наблюдаемая картина быстро меняется. Появляется ощущение покадрового движения визуального потока: «Пароход идет параллельно набережной. словно в синематографе плывет мимо панорама города: дом Мешкова, «Набережный сад», собор, семинария, мечеть, Слудская церковь, казенный винный склад, Заимка, кожевенный завод Агафуровых» (А.А. Макк) [10, с. 6].

Пароходное наблюдение задает новую связность ландшафта, построенную на постоянной смене кадров-фотографий. Пароходные путешествия способствовали становлению динамического пейзажа, в котором преобладают характеристики движения.

«Местами Кама делает крутые завороты; один из таких загибов – при впадении Вятки, устье которой, запруженное плотами разной величины, так прямо и смотрит на нас. Издали, совсем в стороне, белеется деревенская церковь, а час спустя пароход идет уже мимо неё» (Е.Ф. Шмурло) [17, с.212]

«Невдалеке от устья реки Ик Кама стала совсем красавицей. Гряды береговых гор одна за другою вступают в реку крутыми откосами, то серые и песчаные, то зеленые от покрывшего их леса. Позади за ними смутно рисуются другие, еще далее мерещутся едва-едва, словно туман лежащий на воде – третьи» (В.И. Немирович-Данченко) [14, с.55].

Динамический характер описания усиливает значения скорости и мощи многоводной Камы, а также подчеркивает напряженный рельеф прикамского ландшафта, связанный с горными берегами и постоянными изгибами реки.

Кроме того, разделение области наблюдения на кадры, которое происходит в пароходном путешествии, приводит к эстетизации восприятия. Не случайно, в пароходных описаниях появляется образ рамы, в которую вставлен прибрежный пейзаж:

«Вы записываете свои впечатления и поднимаете голову, чтобы лучше овладеть той или иной мыслью, но уже не можете оторвать глаз от медленно плывущих мимо желтых полей зреющего хлеба, вставленных в раму зеленых лугов с туманной синевою отдаленных холмов» (В.А. Поссе) [15, с.241]

Особое видение путешествующих на пароходе, связанное с разглядыванием окрестностей, превращает наблюдение в самодостаточное постоянное действие. С этим связана повышенная активность пейзажных описаний. В камских зарисовках природы заметным оказывается влияние романтического пейзажа, который способствовал формированию образа Камы как дикой и пустынной реки:

«Пароход идет сажень в пяти от берега, перед кручей, которая, подобно гигантской стене, выпрямилась, вся темная и мрачная, грозная и неприветная. Господствует сосна, до парохода доносится тонкий аромат смолы; низ горы оторочен дубняком. Там густо и темно; солнце на закате и сейчас ушло за верхушки деревьев. В лесу темнеет совсем. Здесь так уместно отсутствие человека...» (Е.Ф. Шмурло) [17, с. 211]

Таким образом, пароходные путешествия благодаря особенностям речного маршрута и оптики наблюдения изменили образно-смысловые акценты уральского пространства. В камских путешествиях Урал был представлен как регион, тесно связанный с Поволжьем. В сухопутных травелогах предыдущего периода эти связи не были проявлены. Движение по Каме акцентирует северный вектор уральского пространства: Кама предстает северной рекой, что подчеркивается ее сопоставлением с Волгой. Во взаимодействии природных локусов Урала доминирующей становится водная стихия. Крутые горные берега и темный еловый лес служат продолжением речного пейзажа, усиливая значения суровой красоты и северного дыхания. Наблюдение с парохода, связанное с особенностями механического движения, способствует появлению динамического пейзажа, который, закрепляясь в путевых описаниях Камы, влияет на формирование образа быстрой и мощной реки. Кроме того, оптика покадрового видения, свойственная быстрому и достаточно плавному движению парохода вдоль берега, располагает к эстетизации восприятия. Обилие пейзажных описаний подтверждает это наблюдение. При этом камские пейзажи оказываются под заметным влиянием романтической традиции, усиливая коннотации дикости, суровости и пустынности прикамского пространства. В целом пароходные путешествия предлагают увидеть Урал со стороны Прикамья, обнаруживая и утверждая в его образе значимость природных и историко-культурных реалий этой части уральского региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашев В.В., Власова Е. Г. Цифровая картография в исследованиях литературы: опыт интерактивной карты по книге «Кама и Урал» В.И. Немировича-Данченко // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы Междунар. науч. конф. (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.): в 2 ч. / Перм. гос. нац.исслед. ун-т. Пермь, 2017. Ч. 2. С.7–10.
2. Вигель В.В. Записки: 1805-1806 гг. // По Каме и Уралу: Путевые записки XIX –начала XX вв. / Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина. Пермь, 2011. С.20–32.
3. Герцен А.И. Вторая встреча (Посвящено барону Упсальскому) // Герцен А.И. Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 1: Произведения 1829–1841 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 123–130.
4. Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике: книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства. Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. 668 с.
5. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. №3. С. 26–50.
6. Калуцков В.Н. Южанин в Сибири: литературно-географическое исследование путешествия А.П. Чехова (на материале очерков А.П. Чехова «Из Сибири» и его путевых писем) // Географический вестник. № 3(58). С. 74–91. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2021-3-74-91>.
7. Кельцев С.А. От Москвы до Екатеринбурга. (Из путевых заметок) // Кельцев С.А. Из поездки на Урал. М., 1888. С.5–72.
8. Кропоткин П.А. Дневники // По Каме и Уралу: Путевые записки XIX – начала XX вв. / Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина. Пермь, 2011. С.97–109
9. Литературная география России атлас-справочник / Науч. ред. Ю.А. Веденин, В.Н. Калуцков. М: Издательство Московского университета, 2022. 295 с.
10. Макк А.А. (Городков А.А.) По Каме // Светоч и дневник писателя. 1913. № 11. С. 5–19.
11. Мельников-Печерский П.И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь / отв. ред. Е.Г. Власова; Перм.гос.нац.исслед.ун-т. Спб.: Маматов, 2017. 228 с.
12. Морозова М.М. О литературных картах США // Псковский регионологический журнал. 2018. №2 (34). С. 117–132.
13. Морозова М.М. Литературная география в XXI веке: новые подходы и возможности // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 3А. С. 163–171. DOI: 10.34670/AR.2021.87.50.022
14. Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал: очерки и впечатления [Электронный ресурс] / отв. ред. Е.Г. Власова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. СПб.: Маматов, 2021. 456 с. URL: http://www.psu.ru/files/docs/fakultety/fil/Kaf_zhurnalistik/nemirovich-danchenko-kama-i-ural.pdf?ysclid=lfe1dv9k4i766693930 (дата обращения: 23.03.2023).
15. Поссе В.А. В даль и глубь России // По Каме и Уралу: Путевые записки XIX – начала XX вв. / Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина. Пермь, 2011. С.240–256.
16. Путеводитель по Уралу. Екатеринбург: газ. «Урал», 1899. 351 с.
17. Шмурло Е.Ф. Волгой и Камой (Путевые впечатления) // По Каме и Уралу: Путевые записки XIX – начала XX вв. / Центр. городская б-ка им. А.С. Пушкина. Пермь, 2011. С. 211–222.
18. Piatti V., Bär H.R., Reuschel A.K., Hurmi L., Cartwright W. Mapping Literature: Towards a Geography of Fiction // Literary mapping in the digital age. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2016. Pp. 179–194.
19. Sharp W. Literary geography. London: Offices of the Pall Mall Publications, 1907. 248 p.

Поступила в редакцию 27.03.2023

Власова Елена Георгиевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15, (корп. 5)
E-mail: elena_vlasova@list.ru

E.G. Vlasova

**KAMA ON THE LITERARY MAP OF THE URALS (BASED ON THE MATERIALS
OF THE URAL TRAVELOGUES OF THE XIX – EARLY XX CENTURY)**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-858-866

The article is devoted to the characterization of the image of Kama as one of the key loci of the Ural space, presented in travel essays of the 19th – early 20th centuries. The relevance of the study is determined by its connection with the study of the role of travelogues in the history of the formation of spatial images of Russian regions. The material for the study

are Ural traveling sketches, notes and letters by Russian writers and journalists who had a great influence on the formation of the image of the Urals. The research methods are literary mapping and the geographical method of literary text analysis proposed by V. N. Kalutskov. As a result of the mapping of travelogues, the figurative and semantic accents of the Ural space associated with the peculiarities of the route and the way of travel were revealed. The Kama steamship journey emphasized historical, cultural and business ties with the Volga region. The direction of movement up the Kama river led to the strengthening of the northern vector in the literary image of the Urals. The influence of the mode of travel was revealed in the dynamic landscape and in a special aestheticization of perception. These features of vision contributed to the assertion of the mountain character and wild beauty of the Ural space.

Keywords: travelogue, Ural, Kama, literary mapping, travel route, mode of travel.

REFERENCES

1. Abashev V.V., Vlasova E.G. Cifrovaya kartografiya v issledovaniyah literatury: opyt interaktivnoy karty po knige «Kama i Ural» V.I. Nemirovicha-Danchenko [Digital cartography in literature research: the experience of an interactive map based on the book «Kama and the Urals» by V.I. Nemirovich-Danchenko]. Cifrovaya gumanitaristika: resursy, metody, issledovaniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', 16–18 maya 2017 g.): v 2 ch. / Perm. gos. nac.issled. un-t. [Digital Humanities: resources, methods, research: materials of the International Scientific Conference. Perm, 16–18 may 2017, in 2 vol., Perm State University]. Perm, 2017, vol. 2, pp. 7–10. (In Russian).
2. Vigel' V.V. Zapiski: 1805-1806 gg. [Notes: 1805–1806]. Po Kame i Uralu: Putevye zapiski XIX – nachala XX vv., Centr. gorodskaya b-ka im. A.S. Pushkina [Along the Kama and the Urals: travel notes of the XIX – early XX centuries, Central city library named after A.S. Pushkin]. Perm, 2011, pp. 20–32. (In Russian).
3. Gercen A.I. Vtoraya vstrecha. (Posvyashcheno baronu Upsal'skomu) [The second meeting. (Dedicated to Baron Upp-sala)]. Gercen A.I. Sobranie sochinenij v 30-ti tomah. T. 1: Proizvedeniya 1829–1841 gg. [Herzen A.I. Collected works in 30 volumes, vol. 1, Works of 1829–1841]. Moscow, AN SSSR Publ., 1954, pp. 123–130. (In Russian).
4. Zamyatin D.N. Geokul'turnyj brending gorodov i territorij: ot teorii k praktike: kniga dlya tekhn, kto hochet proektirovat' i tvorit' drugie prostranstva [Geocultural branding of cities and territories: from theory to practice. The book for those who want to design and create other spaces]. St. Petersburg, Aletheia, 2020, 668 p. (In Russian).
5. Zamyatin D.N. Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodejstvie sovremennykh gumanitarnykh nauk [Humanitarian geography: space, imagination and interaction of modern humanities]. Sociologicheskoe obozrenie [Sociological Review], 2010, vol. 9., no. 3, pp. 26–50. (In Russian).
6. Kalutskov V.N. Yuzhanin v Sibiri: literaturno-geograficheskoe issledovanie puteshestviya A. P. Chekhova (na materiale ocherkov A. P. Chekhova «Iz Sibiri» i ego putevykh pisem) [Yuzhanin in Siberia: a literary and geographical study of A.P. Chekhov (on the material of A.P. Chekhov's essays «From Siberia» and his travel letters)]. Geograficheskij vestnik [Geographic Bulletin], 2021, no. 3(58), pp. 74–91. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2021-3-74-91>. (In Russian).
7. Kel'cev S.A. Ot Moskvy do Ekaterinburga. (Iz putevykh zametok) [From Moscow to Yekaterinburg. (From travel notes)]. Kel'cev S.A. Iz poezdki na Ural [Keltsev S.A. From a trip to the Ural]. M., 1888, pp.5–72. (In Russian).
8. Kropotkin P.A. Dnevniky [Diaries]. Po Kame i Uralu: Putevye zapiski XIX – nachala XX vv., Centr. gorodskaya b-ka im. A.S. Pushkina [Along the Kama and the Urals: travel notes of the XIX – early XX centuries, Central city library named after A.S. Pushkin]. Perm, 2011, pp. 97–109. (In Russian).
9. Literaturnaya geografiya Rossii: atlas-spravochnik, Nauch. red. Yu.A. Vedenin, V.N. Kaluckov [Literary geography of Russia: Atlas-handbook, scientific ed. by Yu.A. Vedenin, V.N. Kalutskov.]. Moscow, Moscow University Publ., 2022. 295 p.
10. Makk A.A. (Gorodkov A. A.) Po Kame [Along the Kama]. Svetoch i dnevnik pisatelya [Svetoch and the writer's diary], 1913, № 11, pp. 5–19. (In Russian).
11. Mel'nikov-Pecherskij P.I. Dorozhnye zapiski na puti iz Tambovskoj gubernii v Sibir' / otv. red. E.G. Vlasova; Perm.gos.nac.issled.un-t [Travel notes on the way from Tambov province to Siberia / ed. by E.G. Vlasov; Perm State University]. St. Petersburg, Mamatov, 2017, 228 p. (In Russian).
12. Morozova M.M. O literaturnykh kartah SSHA [About literary maps of the USA]. Pskovskij regionologicheskij zhurnal [Pskov Regionological journal], 2018, №2 (34), pp. 117–132. (In Russian).
13. Morozova M.M. Literaturnaya geografiya v XXI veke: novye podkhody i vozmozhnosti [Literary geography in the 21st century: new approaches and opportunities]. Kul'tura i tsivilizatsiya [Culture and Civilization], 2021, vol.11, no. 3A, pp. 163–171. DOI: 10.34670/AR.2021.87.50.02. (In Russian).
14. Nemirovich-Danchenko V.I. Kama i Ural: ocherki i vpechatleniya [Elektronnyj resurs], otv. red. E.G. Vlasova; Perm. gos. nac. issled. un-t [Kama and the Urals: essays and impressions, ed. by E.G. Vlasova; Perm State University]. St. Petersburg, Mamatov, 2021, 456 p. URL: http://www.psu.ru/files/docs/fakultety/fil/Kaf_zhurnalstiki/nemirovich-danchenko-kama-i-ural.pdf?ysclid=lfe1dv9k4i766693930 (data obrashcheniya: 23.03.2023). (In Russian).
15. Posse V.A. V dal' i glub' Rossii [In the distance and the depths of Russia] // Po Kame i Uralu: Putevye zapiski XIX – nachala XX vv., Centr. gorodskaya b-ka im. A.S. Pushkina [Along the Kama and the Urals: travel notes of the XIX –

- early XX centuries, Central city library named after A.S. Pushkin]. Perm, 2011, pp.240–256. (In Russian).
16. Putevoditel' po Uralu [A guide to the Urals]. Ekaterinburg, Newspaper «Ural», 1899, 351 p. (In Russian).
 17. Shmurlo E.F. Volgoj i Kamoj (Putevye vpechatleniya) [Volga and Kama (Travel impressions)] // Po Kame i Uralu: Putevye zapiski XIX – nachala XX vv., Centr. gorodskaya b-ka im. A. S. Pushkina [Along the Kama and the Urals: travel notes of the XIX – early XX centuries, Central city library named after A. S. Pushkin]. Perm, 2011, pp. 211–222. (In Russian).
 18. Piatti B., Bär H.R., Reuschel A.K., Hurni L., Cartwright W. Mapping Literature: Towards a Geography of Fiction. Literary mapping in the digital age. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2016, pp. 179–194.
 19. Sharp W. Literary geography. London, Offices of the Pall Mall Publications, 1907, 248 p.

Received 27.03.2023

Vlasova E.G., Candidate of Philology, Associate Professor
at Department of Journalism and Mass Communications
Perm State University
Bukireva st., 15/5, Perm, Russia, 614068
E-mail: elena_vlasova@list.ru